

RE-классический детектив от Таисии Кольт

“Приключения Марка Аполлонова”

Эпизод второй

ТАИСИЯ КОЛЬТ

**Убийство
в День музыки**

Детективный роман

16+

Таисия Кольт
Убийство в День музыки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кольт Т.

Убийство в День музыки / Т. Кольт — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вторая детективная история приключилась с Марком Аполлоновым вскоре после его блестящего расследования убийств в отеле «Дю Пор». Отправившись в маленькую французскую деревушку, Марк мечтает о тихом сельском отдыхе, но французы не оправдывают его ожиданий: на празднике в честь Дня музыки найден труп молодого музыканта. Кто-то проломил парню череп прямо в гримерной во время антракта. Убитый был любимчиком дам, талантливым музыкантом и мечтал о большом будущем — для своей музыкальной группы. Теперь Марку предстоит выяснить, кто же решил встать на пути молодого таланта...

© Кольт Т., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Предисловие автора

Дорогие друзья!

Перед тем как вы прочтете мой второй роман-детектив, мне бы хотелось познакомить вас с персонажами, которые появятся на страницах этой книги.

Несмотря на то, что главная цель автора классического детектива – запутать и увести читателя в сторону в поиске преступника, я все же должна дать некоторые подсказки, а скорее, уточнения, которые помогут вам разобраться в моих героях. В этой истории их предостаточно, поэтому я привожу список персонажей с кратким описанием, дабы облегчить вам задачу в расследовании.

Итак, начнем:

Марк Аполлонов – начинающий автор детективов из Москвы;

Пьер Габен – музыкант, вокалист и саксофонист группы «Амарант», помолвлен с Натали Арно;

Натали Арно – певица группы «Амарант», невеста Пьера Габена;

Робер Бенуа – гитарист группы «Амарант», встречается с Валерией Жуковой;

Лорентин Перрен – клавишник, аранжировщик группы «Амарант»;

Валерия Жукова – невеста Робера Бенуа, переехала во Францию из России, давняя знакомая Марка Аполлонова;

Кристоф Габен – отец Пьера, винодел;

Зое Габен – мать Пьера, владелица магазина;

Камиль Габен – младший брат Пьера, помогает отцу-виноделу вести дела;

Леон Кюре – местный доктор;

Беатрис Денёв – медсестра, работает вместе с доктором Кюре;

Рафаэль Лавуан – художник, живет в небольшом коттедже на окраине деревеньки Дега-ньяк;

Моник Лавуан – жена художника;

Ирен Лавуан – погибшая дочь художника;

Филипп Дюпен – комиссар полиции;

Жюлиан Турнье – пекарь в местной кондитерской;

Дениз Шаплен – пожилая почтальонша, вдова;

Генри Рочфорд – американский продюсер;

Гаспар Нюссон – главарь уличной банды.

RE-классически ваша Таисия Кольт

Глава 1

– Ваш билет, месье, – услышал я позади себя. Повернув голову, я увидел спящего по вагону контролера. Вежливый парень проникновенно заглядывал каждому пассажиру в глаза с просьбой показать заветную бумажку.

Я крепко держал свой распечатанный электронный билет и с готовностью протянул его служащему, когда тот оказался рядом со мной. Проверка прошла успешно. Одарив меня широчайшей улыбкой, контролер промурлыкал: «Oui, merci» и исчез в следующем вагоне.

Я вздохнул с облегчением и вновь повернул голову к окну. Пейзажи, пронесившиеся мимо, восхищали меня и радовали глаз, а скорость, с которой мы мчались в поезде от Тулузы к маленькому городу Гурдону, обещала прибытие без опоздания.

Закончив свой первый роман и признав его более-менее сносным, я отправил свой труд в одно из крупных издательств и, недолго думая, собрался в очередной вояж. Еще с моей первой поездки Франция без остатка покорила меня; именно поэтому я решил не менять пункта назначения и снова выбрал для своего творческого путешествия эту удивительную страну, изменив лишь конечную станцию.

В этот раз мой выбор пал на Гурдон – небольшой городок в регионе Лот, окруженный милыми деревушками и виноградниками, что делает его весьма привлекательным для туристов. Кстати сказать, во Франции есть два Гурдона; тот, который выбрал я, менее известен и популярен, он не расположен на вершине горы, и в нем не снимают фильмы великие режиссеры. Но мне он показался очень милым городом, вполне подходящим для моих целей, связанных с писательством. Тем более так совпало, что одна из моих однокурсниц жила как раз по соседству в деревне Деганьяк и пообещала стать моим гидом, а если потребуется – и переводчиком. Разумеется, я и сам неплохо знаю французский, но в отдаленных от крупных городов местечках население часто говорит на диалектах, некоторые нюансы я мог просто не уловить – вот здесь помощь моей подруги оказалась бы как нельзя кстати.

Валерия Жукова – так зовут мою знакомую – несколько лет назад познакомилась в Интернете с обаятельным французом, который к тому же оказался еще и музыкантом. После непродолжительной переписки девушка бросила скучную работу в Москве и ринулась навстречу своему счастью. Когда я узнал, что Валерия живет во французской глубинке, я тут же настроил ей сообщения во все социальные сети, где она была зарегистрирована, и самым бессовестным образом напросился к ней в гости. Но Валерия всегда была мне хорошим другом, поэтому сразу откликнулась, и вот спустя полтора месяца я уже мчался к ней на всех парах.

От Тулузы, куда я прилетел самолетом, ехать до Гурдона было не слишком далеко. Уже через два часа я оказался на перроне, высматривая свою подругу. К счастью, она не забыла про мой приезд: не успев выйти из вагона, я сразу заметил знакомую худенькую фигурку в легком розовом платье.

– Валерия!

Девушка обернулась и энергично замахала мне руками. Ее длинные прямые волосы развевались на ветру, заслоняя лицо, которое долгое время я видел только со страниц в социальных сетях.

– Марк, боже мой! Это и вправду ты! Ну надо же! Сколько лет мы не виделись. Честно говоря, я до последнего сомневалась, что ты приедешь.

– Хочешь сказать, что не рада меня видеть? – шутливо отозвался я. Рассмеявшись, мы обнялись крепко-крепко, как старые добрые друзья.

– погоди, – вдруг отстранившись, Валерия пристально посмотрела на меня, – а разве ты не женился на богатой американке? Мне кто-то говорил, что год назад в отеле на французском

побережье ты угодил в какую-то неприятную историю с убийством, а потом умудрился влюбить в себя вдову миллионера.

– И ты веришь сплетням? – отмахнулся я. – Как-нибудь я тебе все-все расскажу о тех событиях, но, умоляю, не сейчас!

– Хорошо-хорошо, у нас еще будет уйма времени, чтобы все обсудить. Да и нам пора ехать, меня ждет Робер. Он еле отпустил меня на станцию за тобой.

– Он что, ревнует тебя ко мне? Тогда, в самом деле, тебе не нужно было встречать меня.

– Ревнует? Нет, какие глупости! – Валерия потянула меня за рукав, и мы пошли к автостоянке. – Просто сегодня все празднуют День музыки, будет веселье весь день и всю ночь напролет. Данное действо еще по-другому называется «Fête de la Musique», то есть дословно «Праздник Музыки». Группа, в которой играет Робер, как раз сегодня должна выступать, и им нужно подготовиться. Я обычно помогаю ребятам с костюмами, ну и еще по разным мелочам. В общем, я обещала Роберу, что встречу тебя и сразу же поеду в кафе «Нуар». Там они выступают каждую пятницу и субботу, если не гастролируют по округе. Оттуда мы заберем инструменты, аппаратуру, кое-что из сценических костюмов для выступления и отправимся на центральную площадь, где и будет проходить сам концерт.

– Ого! Как мне повезло! Попасть на такой праздник – это отличный шанс для поиска хорошего сюжета.

– А, я же совсем забыла, что ты писатель, – хмыкнула девушка, садясь за руль.

Следуя ее примеру, я запрыгнул в автомобиль.

– А о чем ты пишешь? – спросила Виктория, когда мы отъехали от вокзала.

– Мой конек – это детективы, люблю описывать разные запутанные истории с неожиданным финалом. Всегда читал такие романы взахлеб и теперь так же взахлеб их придумываю.

– Ну, здесь ты вряд ли сможешь что-то почерпнуть для себя. Люди в Гурдоне все хорошие, трудолюбивые, выпивают хоть и много, но почти не пьянеют и не ввязываются в драки. А наш соседний Деганьяк – так и вовсе крошечная деревенька: жителей по пальцам пересчитать, все очень положительные и спокойные. Поэтому даже не знаю, что должно случиться в этой глуши, чтобы кто-то кого-то покалечил или даже убил. Разве что это придется сделать тебе самому.

Мы переглянулись и весело рассмеялись. Конечно, в такой деревушке никто не решился бы пойти на убийство – слишком все на виду. Да и я этого совсем не хотел. Хватит с меня прошлогодней свистопляски и сумасшествия, когда пришлось подозревать всех и каждого в небольшом отеле на Юге Франции, где я отдыхал. Тогда мне пришлось вступить в схватку с хитроумным убийцей, чтобы защитить честь прекрасной дамы, но что ожидало меня на этот раз? «Да, этот отпуск будет совершенно другим, – подумал я. – Полностью посвящу себя творчеству, и мой новый роман будет еще лучше первого».

Если бы я только знал тогда, как я сильно ошибался и какую шутку вновь сыграет со мной судьба-злодейка!

Тем временем Валерия привезла меня в двухэтажный мини-отель на Бульваре Де Мартир, в котором я заблаговременно забронировал комнату. Я, правда, предпочел бы остановиться в деревушке, где жила Валерия, но в Деганьяке не было гостиницы, поэтому мы договорились, что на первое время я сниму номер в Гурдоне, а немного попозже переберусь в деревню и большую часть времени буду проводить с Валерией и ее женихом.

Убедившись, что мы с администратором отеля прекрасно понимаем друг друга, девушка бегло осмотрела мою комнату и, удовлетворенно кивнув, умчалась готовиться к концерту. Я же заселился в номер и немного отдохнул с дороги, пролистав все доступные каналы местного телевидения и чуть не уснув под убаюкивающую французскую речь обаятельных ведущих.

Не знаю точно, сколько я так продремал, но, наверное, не больше часа. Минут пятнадцать я боролся с собой и сомневался, стоит ли мне еще поваляться или уже пора идти искать Вале-

рию, но все же чувство долга и благодарности взяли верх. В конце концов, девушка сорвалась с подготовки к важному концерту ради меня. Должен же был я хоть чем-то помочь молодой группе. Эти мысли возымели свой эффект, и я быстро встал с кровати.

Выглянув в окно, я заметил, что людей на улице было не так много. На часах всего три часа дня, а праздник должен был начаться вечером, поэтому никто пока не спешил петь песни и плясать на тротуарах. Вообще, если честно, я плохо себе представлял, как именно французы отмечают такие праздники, как День музыки. Будут ли жители Гурдона и близлежащих городков пускать салюты и наряжаться в забавные костюмы или лихо отплясывать на площади под звуки любимых мелодий? В любом случае мне предстояло вскоре самому все узнать и погрузиться в атмосферу музыки и танцев. У меня с собой не было подходящей одежды, но я решил, что обычные синие джинсы и легкая рубашка веселой расцветки вполне подойдут для такого теплого летнего вечера.

Валерия позвонила мне где-то через час и сообщила, что будет ждать меня в кафе «Нуар», поскольку заехать за мной у нее никак не получается. По ее описанию я смутно смог представить, где располагается это заведение, но с помощью карты, Интернета и малоразговорчивого, но максимально услужливого хозяина отеля, я сумел определиться с маршрутом и вышел на улицу.

Глава 2

В Гурдоне примечательным оказалось то, что главная улица образовывала кольцо. Основные достопримечательности, площадь, кафе и отели располагались в центре этого кольца, по которому можно было бродить сколько угодно долго и даже не замечать, что ты ходишь уже несколько раз подряд по одним и тем же местам.

Я прогулялся по некоторым улочкам и убедился, что чистота и порядок – важные составляющие городской жизни в Гурдоне. Со стороны центральной площади уже слышалась какая-то музыка, раздавались радостные возгласы и смех. Народ начинал потихоньку стекаться к эпицентру торжества, и я почувствовал, что тоже вливаюсь в общий поток веселья. Мой отпуск начался очень позитивно и многообещающе, чему я был несказанно рад.

Бар «Нуар» располагался совсем рядом с центральной площадью, так что я без труда разыскал его. Войдя внутрь, я увидел Валерию и молодого человека лет двадцати семи. Я не слишком хорошо разбираюсь в мужской красоте, но парень был явно из тех, кто нравился женщинам: щупленького телосложения, невысокого роста, с такими, знаете ли, изящными чертами лица, темными волосами. Помню, был у нас в офисе один менеджер по развитию бизнеса с таким же вот утонченным профилем и мягким голосом, так вот все женщины просто млели от одной мысли о нем. Кажется, его звали Павлом. Он умел найти подход к представительницам прекрасного пола, и все вокруг считали его душкой. И этот француз, что стоял сейчас с Валерией, был сильно на него похож.

Валерия и молодой человек о чем-то горячо спорили, но слов было не разобрать. Заметив меня, парень резко раздраженно бросил своей собеседнице: «Нет, нет и еще тысячу раз нет!» и этим, казалось, поставил точку в их словесной перебранке. Потом он развернулся и ушел к бару, где стояли еще два молодых человека, по-видимому, музыканты из его группы, и убрали инструменты в чехлы.

Валерия выглядела раздосадованной и расстроенной, но, увидев меня, придала лицу радостное выражение и широко улыбнулась.

– А вот и ты! Пойдем, познакомлю тебя с Робером.

– Э-э-э, я думаю, что сейчас не совсем удобный момент, – протянул я и слегка кивнул в сторону жеманного красавчика. – Вы, кажется, поссорились. Может, представишь меня после концерта?

– Поссорились? – Валерия в недоумении вскинула брови и тут же звонко рассмеялась. – Нет, ты не так понял. Это был вовсе не мой жених Робер, а Пьер Габен. Он фронтмен их группы, хорошо поет и играет на саксофоне. Также Пьер пишет музыку и слова для песен; львиная доля собственного творчества «Амаранта» – его рук дело.

– А я уж подумал, зачем это ты выбрала себе такого плейбоя? Уж слишком у него слащавая внешность.

– Вообще-то, – Валерия слегка покраснела, – поначалу я положила глаз именно на него. Но потом я поняла, что из себя представляет Пьер: избалованный маменькин сынок, самолюбленный эгоист и предмет воздыхания всех местных девчонок. Поэтому я вовремя одумалась и переключилась на Робера. Он совсем другой – добрый, чуткий, внимательный. И к тому же чрезвычайно талантливый музыкант. А вот, кстати, и он. Пойдем.

Я не стал расспрашивать Валерию о причинах ее ссоры с Пьером Габеном, хотя мне было жутко любопытно, что могло вызвать такую бурную сцену. Но интересоваться личными делами моей подруги в первый же день приезда было бы невежливо, ведь мы близко не общались столько лет. Тем более здесь были и другие музыканты, так что привлекать ненужное внимание к инциденту я не стал. Да и как раз в это время один из парней у бара закончил свои приготовления и помахал нам рукой.

– Ребята, – громко проговорила Валерия, когда мы подошли к молодым музыкантам, – познакомьтесь, это мой старый друг Марк Аполлонов. Мы вместе учились в институте в России. Он писатель и приехал сюда, чтобы найти идеи для своего нового романа. Марк, а это Пьер Габен – солист группы и саксофонист, мой жених Робер Бенуа – в группе он играет на гитаре – и Лорентин Перрен – талантливый клавишник и просто хороший друг.

Молодые люди приветливо улыбнулись, и мы пожали друг другу руки.

– Ты выбрал удачное время для визита, – отметил высокий худой парень, которого звали Лорентин. – Сегодня большой праздник: День музыки в наших краях отмечается с размахом, люди веселятся от души. Танцы до упаду до утра – что может быть лучше. Обязательно попробуй пиво с фруктовым вкусом, но с ним главное не переборщить.

– Спасибо, я никогда не был на подобных мероприятиях. И да, постараюсь быть аккуратнее с пивом, – улыбнулся я. – А когда вы играете?

– Наше выступление начнется через час на главной сцене на центральной площади, – важно произнес вокалист. – И тебе действительно повезло, что ты помотришь нашу игру. Мы представим парочку новых композиций, ну и, само собой, всеми любимые хиты. Это не такая уж важная площадка для нас, я бы с большим удовольствием пел перед парижской публикой, но здешние любят «Амарант», и мы не должны подвести своих поклонников, верно, Лорентин? Не витай в облаках, я не собираюсь отдуваться за тебя весь концерт. А ты, Робер, перестань все время думать о Валерии, а то запрещу ей приходить и отвлекать тебя. В общем, всем следует собраться и отыграть как положено.

Пьер Габен сказал это с видом тренера футбольной команды, которую он держит в узде и ведет к победе путем строгих запретов, лишений и дисциплины. Я догадался, что парням такое обращение не очень по душе, но сам красавчик вряд ли об этом задумывался. Он походил на самовлюбленного нарцисса, одаренного всеми талантами от природы и лелеющего этот божий дар с чувством превосходства над остальными, не столь уникальными личностями из его группы. Но в целом Пьер производил хорошее впечатление этакого доброго малого, помешанного на музыке и не мыслящего свою жизнь без нее. Оттого я списал его высокомерие на эксцентричность характера, свойственное всем талантливым людям, которым приходится мириться со своим не слишком успешным положением. Это бросалось в глаза. Я не сомневался, что группа имеет бешеный успех в Гурдоне и окрестностях, но вряд ли они когда-либо выступали на серьезных концертах в Тулузе, Лионе и Париже, о чем молодой амбициозный музыкант явно мечтал.

Я заверил ребят, что я не любитель злоупотреблять спиртным, и пообещал обязательно присутствовать на их выступлении.

Валерия и Робер ворковали как голубки. Чтобы не смущать влюбленных, я сказал, что подожду их на улице, и направился к выходу. Как раз в это время стеклянная дверь бара открылась, и внутрь влетела очаровательная молодая француженка невысокого роста в кремовых шелковых брюках, ярко-зеленом топе и с огромной дамской сумкой, в которую запросто можно было запихать половину моего гардероба. Фигура девушки была настолько хрупкой, что создавалось ощущение, что незнакомка не ходила по земле, а парила в воздухе.

– О, я не опоздала! Валери, спасибо, что позвонила и разбудила меня, а то я проспала бы еще часа два и точно пропустила бы выступление.

Она обратилась к Валерии на французский манер – Валери – с ударением на последний слог, что меня слегка позабавило. Я уже успел позабыть, как ловко и быстро французы умели менять произношение русских имен на свой лад: Женя́, Татьяна́, Ольга́, Анжели́на и так далее.

Незнакомка смутилась, завидев меня, но, проходя мимо, лукаво мне улыбнулась, и я не смог не ответить ей тем же.

– Натали, познакомься, это мой друг Марк, – поспешила представить нас друг другу Валерия. – Марк, это Натали Арно. Она солистка в группе, поет виртуозно. Да ты сам сегодня в этом убедишься.

– Ах, моя милая Валери! Ты всегда слишком добра ко мне, хотя я этого и не заслуживаю, – елеинным голоском проговорила Натали, но комплимент подруги ей был явно приятен.

– Если вы поете так же чудесно, как и выглядите, то я боюсь, что мне придется подольше задержаться на концерте, чтобы услышать все композиции в вашем исполнении. Обещаю быть в первом ряду.

– Постараюсь не разочаровать вас, – подмигнула мне девушка и, игриво приподняв плечико, прошмыгнула мимо нас прямо к Пьеру. Парень нежно обнял ее за талию и пригрозил пальцем.

– Все-таки ты несправима, милая, – опаздываешь всегда и везде. Сомневаюсь, что ты хоть что-то можешь делать вовремя. Так, теперь, когда все в сборе, можно и выдвигаться, – скомандовал Пьер. Подхватив сумки с инструментами и костюмами, мы вышли на улицу.

– Натали и Пьер встречаются? – тихо спросил я Валерию, и она едва заметно кивнула.

– Они недавно обручились, но дату свадьбы пока не объявили, – зашептала она и, бодро шагая за Робером, бросила мне через плечо: – Меня удивляет, что Пьер решил остановиться на Натали. В ней нет совершенно ничего особенного. Сколько за ним бегают девчонок и женщин постарше, он мог выбрать любую. Но Натали, видимо, взяла Пьера штурмом, отказалась даже от Лорентина, а ведь тот очень положительный молодой человек и очень честный.

Музыканты ускорили шаг, и Валерия припустила вслед за своим женихом, не дождавшись моей ответной реплики.

Да я и не знал, что на это ответить. По мне так Натали была безупречной красавицей: тонкие изящные черты лица, маленький носик, а разрез глаз как у Вивьен Ли в роли Скарлетт О’Хара. Не девушка, а мечта! Пьер просто влюбился в нее, вот и все дела. Потому и разрубил все прежние любовные связи. Но Валерия, похоже, не верила в такую возможность и считала певицу хитрой бестией, отхватившей себе блестящую партию. Что ж, женщины все без исключения считают друг друга стервами, так что меня совершенно не удивили подобные рассуждения моей подруги. В конце концов, ей Пьер тоже когда-то нравился, но их отношения не сложились, поэтому вполне естественно, что теперь девушка немного завидует более удачливой сопернице – Натали.

Я сочувственно вздохнул, понимая, как же непросто приходится уживаться двум девушкам в группе, но тут меня обогнал Лорентин и громко крикнул впереди идущим ребятам:

– Вы видели? Только что прошел Рафаэль Лавуан с женой. Не припомню, чтобы они раньше интересовались музыкой, их всегда манила живопись, акварель, масло. Странно, если они вдруг ни с того ни с сего решили поменять свои вкусы.

– А я недавно видела твоих родителей, Пьер, и еще почтальоншу мадам Шаплен. Сдается мне, весь наш Деганьяк сегодня здесь, – добавила Валерия.

Пьер важно приосанился.

– Им льстит, что такие звезды шоу-бизнеса, как мы, живут с ними в одной деревне.

– Ох уж эти артисты! От скромности вы точно не умрете, – покачала головой Валерия, и все дружно рассмеялись.

Мне было легко и свободно в обществе этих раскованных молодых людей. Они словно заражали меня своей энергией, неистовой жаждой праздника и кайфа, любовью к музыке и творчеству. Теперь, познакомившись с ними чуть ближе, я понял, что каждый из них вносит свой вклад в развитие группы, ее рост и прогресс. Пьер, без сомнения, был двигателем и идейным вдохновителем, он рвался вперед, как необъезженный мустанг, и вел за собой остальных, которые лишь робко топтались позади него. Натали, хоть и не казалась мне такой уж простой, производила хорошее впечатление: умная, слегка надменная, но приятная и обаятель-

ная девушка, жеманная, как и все артистки, в меру самовлюбленная и знающая себе цену. Мне нравились ее густые мягкие русые волосы, большие зеленые глаза и мраморная кожа, так нетипично выделяющаяся на фоне загорелых девушек южных районов. Из них с Пьером получилась хорошая пара, в этом я ни секунды не сомневался. Лорентин был для меня темной лошадкой. То, что он раньше встречался с Натали, судя по всему, мешало ему теперь быть полноценным членом группы. Я сильно сомневался, что парень не чувствовал обиды и ревности к своей бывшей девушке, а значит, Лорентин и Пьера явно недолюбливал. Стычки между ними наверняка случались, и вопрос был лишь в том, как сам Пьер смотрел на Лорентина: как на талантливого музыканта, способности которого необходимы группе, или как на склочного бывшего парня Натали?

Самой гармоничной парой я, естественно, посчитал Валерию и Робера. Робер был одного роста с Валерией, но широкий в плечах и сильно накаченный, как профессиональный спортсмен. Оттого хрупкая фигурка девушки казалась еще более невесомой рядом с ним. Они выглядели абсолютно счастливыми, миловались непрерывно, мало обращали внимание на окружающих. Я бы не удивился, если бы их свадьба состоялась в ближайшее время, так как подобные чувства трудно удержать в узде, а Валерия была не из тех девушек, которая могла жить с парнем, не удостоверившись в его серьезных намерениях.

Мы прошли уже большую часть пути, и я разглядел впереди площадь, на которой все было готово для праздничного концерта. Большая сцена была установлена посередине, не хватало только микрофонов и другого музыкального оборудования.

Я нес чемоданчик с микрофоном и что-то похожее на усилитель и горделиво приосанился, заметив, как люди на улице начали показывать на нас пальцами и восхищенно перешептываться. Побывать хотя бы на один вечер частью популярной музыкальной группы, звездой для почти тысячи зрителей – было для меня весьма лестным. Хотя я и не собирался выходить на сцену, чувство причастности к этому таинству будоражило меня и окрыляло.

На центральной площади собралось уже довольно много народу. Я отметил, что присутствовали люди разных возрастов с раскрашенными лицами и в необычных головных уборах. Там пестрели старинные шляпы, что носили дамы и кавалеры в восемнадцатом веке, парики, как у вельмож, перья, спортивная атрибутика. Кто-то нес в руках больших кукол – героев диснеевских мультфильмов, кто-то размахивал цветными шарфами, как у футбольных или регбийных болельщиков, а многие просто сидели на стульях, расставленных вдоль тротуара рядом с маленькими кафешками, чтобы граждане с удобством могли наслаждаться не только музыкой, но и, например, хорошим кофе с круассанами или бокалом красного вина.

Сопроводив музыкантов до небольшой цветной палатки, которая, как я понял, выполняла функцию гримерной, я пожелал Валерии и ее друзьям удачи и скромно удалился, чтобы не мешать приготовлениям. Из многочисленных динамиков на площади зазвучала громкая музыка, народ начал пританцовывать и напевать знакомые мотивы. Толпа вокруг сцены становилась плотнее и многочисленнее, и скоро я слился со зрителями, предвкушая грядущее выступление.

Глава 3

Сцена, на которой вот-вот должны были появиться мои новые друзья, представляла собой деревянный помост и, видимо, служила для выступлений ораторов в политической гонке, глашатаев во время ярмарок и подобных праздничных концертов. Размеры подиума были не слишком большими: окруженное сзади и по бокам деревянной оградой, сооружение походило на своеобразную беседку. Резные бортики были выполнены весьма искусно; сама сцена в окружении этого деревянного зодчества создавала ощущение, что концерт будет дружеский и теплый, почти домашний, в духе этого спокойного и милого городка.

Мне не терпелось увидеть выступление ребят из «Амаранта», и я постоянно смотрел на часы, ожидая начала концерта. Два раза мимо меня прошла грузная дама в ярко-желтом платье с большой сумкой через плечо и однажды чуть не отдала мне ногу, наступив на большой палец своими тяжелыми туфлями. Когда женщина в третий раз протиснулась между сценой и мной, я не сдержался и попросил ее быть поаккуратнее, но она и ухом не повела. Пристроившись справа от сцены неподалеку от гримерной, странноватая незнакомка с вождением воззрелась на подиум.

Ровно в пять часов на сцену вышел мэр города и поздравил всех с Днем музыки, что вызвало необыкновенный ажиотаж в толпе. Со всех сторон слышались громкие аплодисменты и радостные возгласы. Затем к микрофону поочередно выходили другие высокопоставленные лица, говорили они коротко и очень эмоционально. И вот наконец было объявлено о начале праздничного концерта.

Но музыканты появились не сразу. Двое рабочих установили микрофоны, стойки для музыкальных инструментов, а также расстелили по сцене провода, чтобы выступающие могли быстро подключиться. Не давая зрителям заскучать, место на подиуме заняли три веселых актера с маленькими куклами, которые надеваются на руку, как наш Петрушка. Короткие шуточные сценки здорово повеселили публику и скоротали время ожидания любимой группы. Несколько раз я бросал гневные взгляды в ту сторону, где стояла пышногрудая женщина в желтом платье, но она больше не двигалась, видимо, намереваясь смотреть концерт именно с выбранной позиции. Я вздохнул с облегчением, так как мне совершенно не хотелось снова подвергаться нападению ее громадных туфель на мои бедные ноги. Да и вообще ее медвежьи походы туда-сюда перед сценой порядочно мешали просмотру всем собравшимся.

Минут через двенадцать актеры с куклами сообщили, что уступают место группе «Амарант», и толпа радостно заревела.

Уже известная мне компания во главе с Пьером вышла в центр огромной беседки. Несколько минут ушло на то, чтобы настроить аппаратуру, и представление началось. Зрители тепло встретили своих любимцев, а музыканты в свою очередь поприветствовали благодарную публику несколькими аккордами знакомых всем мелодий.

Я, к слову сказать, неплохо разбираюсь в музыкальных направлениях, сам играю на пианино и нередко хожу на подобные концерты. Игра ребят мне однозначно понравилась. Смесь электроджаза, поп-рока, альтернативы и транс, оригинальные аранжировки, интересное сочетание компьютерной ритм-секции, за которую отвечал Лорентин Перрен, с плотными рычащими риффами электрогитары Робера Бенуа и саксофонными соло Пьера Габена в перерывах между его вокальными партиями – все это вкупе с качественным исполнением, драйвом и сумасшедшей самоотдачей музыкантов производило оглушительный эффект и создавало великолепное шоу.

Пьер держался самоуверенно и даже нахально, а его манера двигаться по сцене лично у меня вызвала легкую усмешку. Но девушки и женщины визжали после его очередного па с саксофоном, из чего я заключил, что парень рисует не просто так: он прекрасно знает, к

какому положительному результату приводит его появление на публике, и умело этим пользуется. Тем более играл он действительно виртуозно, что, конечно, искушенных зрителей не могло оставить равнодушными. Было странно, что такой талантливый музыкант не стремится со своей группой уехать из этой глуши. Им бы стоило попробовать завоевать мир вокруг, но, видимо, тому были определенные препятствия, о которых я просто не знал.

Однако настоящий фурор произвела Натали Арно, появившаяся в начале третьей композиции. Обладающая утонченной красотой от природы, девушка эффектно подчеркнула достоинства своей изящной фигуры обтягивающим платьем и идеально подобранным макияжем, отчего она показалась мне еще милее и обольстительней. Эта удивительно красивая стройная молодая девушка с длинными прямыми волосами и благородной осанкой могла вскружить голову любому мужчине, и я всем телом ощутил магию ее чар. Она приняла манящую позу, склонив голову к одному из плеч, а ее рука скользнула по правому бедру, остановившись на талии. Ярко-голубое платье со стразами засверкало от софитов и прожекторов. Затем Натали закрыла глаза и начала проникновенно петь. Ее голос был чуть надтреснутый и низкий, но в то же время бархатный и ласкающий слух. Она пела по-английски практически без акцента, полностью отдаваясь музыке. «Чудесная девушка», – подумал я, а когда она закончила свое выступление, захлопал так, что у меня заболели ладони. Заметив меня в толпе, Натали обольстительно улыбнулась и послала мне воздушный поцелуй. Девушка сдержанно принимала аплодисменты в свою честь, лишь слегка склоняя головку набок и мило улыбаясь. В этой ее аристократичности было что-то невероятно привлекательное, и я почувствовал, что теряю голову. Из-за такой красавицы даже лучшие друзья могли стать врагами.

Группа исполнила еще несколько песен, а затем объявили двадцатиминутный перерыв. Музыканты покинули сцену, а на их место снова выскочили кукловоды – на этот раз с огромными фигурами из папье-маше – и продолжили шуточное представление, пародируя разных известных актеров французского кинематографа.

Мне захотелось пить, и я отошел от сцены, надеясь где-нибудь купить себе бутылку воды. Почти весь народ остался на своих местах, но я отметил, что той женщины в желтом платье уже не было. Проходя мимо гримерной, где отдыхали музыканты, я заметил Валерию, которая задумчиво стояла на улице и смотрела куда-то поверх моей головы. Я помахал ей рукой, но она, похоже, не обратила на меня никакого внимания. Пожав плечами, я стал оглядываться по сторонам в поисках магазина. Заскочив в соседний бар, я купил воды и батончик мюсли. Ожидая, пока мне выдадут сдачу, я обернулся ко входу и увидел Робера, который о чем-то оживленно спорил с клавишником Лорентином Перреном. Забрав свои монеты, я сделал пару шагов к двери, но затем передумал. Мне не особо хотелось маячить перед музыкантами, чтобы не ставить их в неудобное положение, потому я примостился у стойки и продолжил наблюдать за ними. Лорентин поначалу горячился и пытался переубедить партнера, но затем неожиданно сник и просто кивал, молча слушая жениха Валерии. За небольшой промежуток времени я наблюдал уже вторую ссору, и это было несколько подозрительно. Интересно, что ребята могли иметь друг против друга? Через полминуты появилась Натали и, взяв под руку Лорентина, увлекла его за собой в сторону сцены. Робер покачал головой и пошел за ними следом, бросив в мусорную урну какую-то бумажку.

Подождав еще минуту, я вышел на улицу и тоже направился обратно на площадь. Издалека я заметил, что ненавистная мне тучная женщина в желтом платье запыхалась, пробираясь через толпу, но у сцены не остановилась, а скрылась в задних рядах.

Музыканты уже собрались и стояли на сцене наготове в ожидании Пьера. Он один пока не поднялся, и Натали начала раздраженно оглядываться, недовольно хмурясь. Отсутствие Пьера явно не было запланировано.

Увидев, как раскрасневшаяся Валерия протискивается через зрителей к гримерке, я двинулся за ней. Возможно, у Пьера возникли какие-то неполадки с инструментом или порвался костюм. Может, я тоже мог чем-то помочь? Я догнал Валерию и схватил за руку.

Девушка вздрогнула и резко обернулась:

– Как ты меня напугал!

– Что-то случилось? Почему Пьер не на сцене?

– У него разболелась голова после пива, и он попросил меня сходить в аптеку за таблеткой. Надеюсь, его величество не разозлится, что я задержалась. Ведь теперь все ждут только его одного, хотя давно пора начинать. Конечно, он гений, но иногда просто несносен.

Мы подошли к палатке, и Валерия раскрыла плотную занавеску, выполнявшую роль двери в гримерку.

– Подожди меня здесь, я лучше зайду одна, – неуверенно попросила девушка. – Его сейчас лучше не раздражать. Как и все таланты, он сварлив и вечно всем недоволен.

Я пожал плечами, но послушно остался на улице, открыв наконец свою бутылку с водой. При этом бутылка предательски неудачно наклонилась, и часть воды пролилась на асфальт и мою правую брючину. Я никогда не мог терпеть грязную или сырую одежду, поэтому стал усиленно смахивать влагу с ткани, раздосадованно качая головой.

Не успел я отряхнуть джинсы, как Валерия вывалилась из гримерки. Ее лицо было бледным, а губы голубовато-синими, отчего мне показалось, что девушку сейчас стошнит. Я растерянно протянул Валерии бутылку, которую она машинально схватила и поднесла к губам.

Глотнув воды, Валерия вдруг побледнела еще больше, взгляд ее совсем поплыл и перестал фокусироваться на мне.

– Боже мой, Валерия! Что с тобой? – я едва успел подхватить девушку – она обмякла в моих руках.

Не зная, что делать с моей бедной подругой, я растерянно посмотрел на палатку, откуда Пьер так до сих пор и не появился. Я почему-то почувствовал волну негодования и отвращения к этому самовлюбленному типу. Если ему стало плохо от пива и он не смог даже выйти на сцену, то необязательно было срываться на Валерии и унижать девушку до такой степени, что она даже сознание потеряла. «Ну что за скотина этот зазнавшийся саксофонист! Занесу Валерию в гримерку. Не оставлять же бедняжку лежать на земле, – я был полон решимости. – Пусть только Габен попробует показать свой гонор – спушу на него всех собак».

С Валерией на руках я кое-как протиснулся через узкий вход и быстро осмотрелся, чтобы понять, куда лучше пристроить девушку, которая все еще так и не пришла в себя.

Вокалист сидел спиной ко мне за маленьким столиком и, казалось, совершенно не беспокоился о происходящем. Видя, что он даже не обернулся при нашем вторжении, я собрался с духом и, сдерживая свой гнев, как можно спокойнее небрежно бросил:

– Прости, друг, но Валери стало плохо, думаю, стоит позвать доктора. Если ты не против, то я пока устрою ее здесь. И можно мне побыть с ней, пока она не придет в себя?

Пьер ничего не ответил и даже не шелохнулся. Он сидел за столом вразвалку и как-то неестественно неподвижно. Руки его как плети свисали вниз под столешницу, почти касаясь пола, а голова была склонена набок и намного откинута назад. Сценическая куртка, которая была его визитной карточкой и, по всей видимости, неизменным атрибутом всех его выступлений, неряшливо сползла влево. Со стороны казалось, что она надета не на живого человека, а на манекен, которого одевали второпях и еще не выставили на витрину магазина.

Я застыл на месте со своей тяжелой ношей в руках, пытаюсь заставить себя приблизиться к Пьеру. Смутное предчувствие колыхнулось внутри меня, и мне вдруг стало страшно.

– Пьер! – позвал я и услышал свой голос как будто со стороны. Он показался мне хриплым и безжизненным, словно записанным на пластинку – нечеловеческий голос, скрипящий и испуганный. Но даже не мой ужасный голос навел на меня панику, а тишина, которая разда-

лась в ответ. Пьер молчал и не шевелился. Фигура музыканта была неподвижна, как статуя в музее восковых скульптур.

«Еще один без сознания, – пронеслось у меня в голове. – Так я и знал, что все музыканты злоупотребляют таблетками. Наверняка перебрал лишнего, да еще и залил пивом. Так, Марк, сделай глубокий вдох и успокойся, надо помочь парню».

Я с трудом примостил неподвижную Валерию на небольшой складной стул, пододвинув к нему еще один и соорудив тем самым что-то наподобие дивана. Девушка продолжала лежать с закрытыми глазами, но дыхание ее было ровным. «Скоро придет в себя», – я немного успокоился и вытер пот со лба. Оказавшись к Пьеру Габену еще ближе, я почувствовал, как мои руки охватила странная дрожь, которая бывает в прохладный летний вечер, когда забываешь надеть джемпер или толстовку. Меня почти знобило и трясло уже всего с головы до ног, когда я пододвинулся к музыканту почти вплотную.

– Пьер, если ты решил пошутить, то шутка не удалась, – громко произнес я. – Ребята ждут тебя на сцене, а ты тут разыгрываешь представления. Довел Валери до обморока. Эй, да что с тобой?!

Парень продолжал молчать, и мне это наконец надоело. Что за выходки! Да кто он такой, чтобы два взрослых человека потеряли самообладание и чуть не лишились рассудка из-за подобных историй! Я уже бог знает что успел подумать за эти две минуты в палатке, а он, может, всего лишь просто заснул от таблеток.

Я резко схватил его за плечо и тут же отдернул руку, так как от моего прикосновения парень медленно сполз со стула, оставив на спинке и сиденье кровавый след. Тут у меня все поплыло перед глазами. Чтобы не свалиться на пол, я схватился за край стола. Вид крови всегда вызывал у меня приступы тошноты, и мне пришлось сильно ущипнуть себя, чтобы не грохнуться в обморок прямо на обмякшего музыканта. Только тогда я заметил на затылке Пьера какое-то пятно. Это была липкая и потемневшая кровь из глубокой раны, которую я не сразу разглядел из-за густых темных волос саксофониста. «Валерия! – подумал я в ужасе. – Неужели это она огрела его, не справившись с эмоциями?»

Не зная зачем, я рванулся к выходу, но тут же остановился. «Боже, что я делаю! Возьми же себя в руки!», – мысленно приказал себе я. С трудом я заставил себя вернуться к телу молодого певца и, опустившись на колени, попытался прощупать пульс. От вида такого количества крови мне вновь стало дурно, меня чуть не стошнило. Еле сдерживая рвотные позывы, я встал с колен и машинально достал из кармана свой мобильник. На дисплее горело 19:10.

Парень, без сомнения, был мертв.

Глава 4

Бессознательно поправив сырую брючину, несколько минут назад облитую водой, я стал лихорадочно соображать, что же мне теперь делать. Передо мной оказался самый настоящий труп! А ведь этого человека я едва знал. Это уму непостижимо! Без сомнения, кто-то ударил музыканта по голове, и тот скончался почти сразу. Но кто мог это сделать и когда? Валерия сказала, что Пьер просил ее выйти в аптеку, значит, до ее возвращения парень оставался в палатке один. Не считая убийцы. Я выдохнул и с силой сжал руками виски. Валерия, конечно же, ни при чем. Это была бредовая идея, идея о том, что девушка могла убить Пьера, и мне должно быть стыдно, что я заподозрил ее. Даже в гневе Валерия не смогла бы нанести человеку смертельный удар такой силы, чтобы раскроить череп. Видимо, ее просто свалил с ног вид крови, только и всего, вот она и хлопнулась в обморок.

Я провел руками по волосам, немного придя в себя. Раз это была не Валерия, то убийца хорошо все рассчитал. Вероятно, он следил за гримеркой и видел, как девушка ушла в аптеку, оставив Пьера в одиночестве. Тогда этот неизвестный быстро проник в палатку и нанес свой удар. Не похоже, чтобы музыкант ожидал этот удар, также вряд ли он с кем-то поругался. Он сидел спиной ко входу и явно даже элементарно не успел обернуться, перед тем как что-то обрушилось на его голову. Я не видел никого, выходящего из палатки, Валерия, думаю, тоже. Получается, убийца вошел целенаправленно, чтобы расправиться с Пьером, а затем быстро незаметно удалился, смешавшись с толпой. Возможно, он еще там.

Внезапно снаружи послышался разгневанный голос Натали. Девушка влетела внутрь, как разъяренная фурия, сотрясая воздух обвинениями и ругательствами.

– Да он просто издевается над нами! Эй, Пьер, ты в своем уме? Мы ждем уже десять минут! Еще одна такая выходка, и следующий концерт будете играть без меня. Хоть мы и помолвлены, я не допущу такого свинского отношения к коллективу с твоей стороны.

Увидев меня, девушка от неожиданности замолчала и тут же сменила тон на более любезный:

– Нет, ну ты представляешь! Зрители, конечно, любят нас и простят Пьеру все, даже задержку концерта, но всему же есть предел. Где это самовлюбленный индюк? Милый, ты, я вижу, решил, что уже отработал на сегодня?

Заметив наконец мой ступор, девушка сделала круглые глаза и настороженно спросила:

– Марк, что случилось? Где Пьер?

Я молча указал на стул, где еще недавно сидел живой и здоровый музыкант, и снова увидел, как задрожали мои руки.

– Что это? Боже мой! – Натали бросилась к столу и в ужасе отшатнулась, увидев кровь на полу. Она закрыла рот руками и беззвучно затряслась, пытаясь не перейти на крик, но слезы все же брызнули у нее из глаз. Девушка громко разрыдалась.

– Я пытался прощупать пульс, но не смог. Мне очень жаль, боюсь, Пьер мертв, – только и сумел вымолвить я и, уже не выдержав, выскочил на улицу, где меня стошнило.

Вытерев лицо рукавом и как следует отдышавшись, я вдруг понял, какой я идиот, что бросил бедную девушку одну рядом с покойником. Я быстро пришел в себя. Внутри палатки продолжал раздаваться громкий плач, к которому присоединились всхлипывания и стоны, и я поспешил обратно.

К моей огромной радости, я увидел, что Валерия очнулась, однако ее состояние было ужасным. Она сплетала и расплетала пальцы рук, закусывала губу и громко стонала, переходя в рыдания и стонания. Лицо ее было красным и распухшим от слез, тушь потекла и разбежалась ручейками по щекам и скулам.

– Девушки, умоляю, не надо так убиваться, этим вы не поможете Пьеру, – начал я, чувствуя, что скоро истерика начнется у обеих. – Мы должны срочно вызвать врача и полицию, они позаботятся обо всем. Если вы не успокоитесь, будет только хуже. Один я не справлюсь со всем этим.

Как ни странно, но мои слова подействовали на певицу. Натали громко всхлипнула и, бросив на меня взгляд полный боли и отчаяния, все же встала с колен. Певица села рядом с Валерией, взяв ее за руку.

– У нее нервный срыв, – бросила мне Натали, прижав к себе плачущую девушку. – Надеюсь, доктор сделает ей укол успокоительного или что-то в этом роде. А то бедняжке совсем плохо. Я сама чуть с ума не сошла, увидев кровь. Боже мой, это просто какой-то кошмарный сон! Бедный Пьер!

– Э-э, ты сможешь позвонить в полицию и вызвать скорую помощь? – неуверенно спросил я. – Я не знаю номеров местных служб.

– Да, конечно, я все сделаю, – глотая слезы, прошептала Натали и достала телефон из сумки.

Пока она отошла в сторону, набирая номер, я присел рядом с Валерией и стал тихонько гладить ее по руке.

– Пьер, что с ним? – судорожно вздрагивая, пролепетала девушка. – Там кровь, повсюду кровь. Я вошла, а он сидит на стуле и так безжизненно смотрит. Неужели он мертв? Я не могу в это поверить!

– К сожалению, да, – промямлил я, не зная, что еще сказать девушке в утешение. – С такой раной на голове ни один человек не выжил бы.

– Скоро приедет полиция, они будут здесь рыскать, все разнюхивать, допрашивать. Разве без этого не обойтись? – неожиданно спросила моя подруга. Она все еще нервно вздрагивала и часто всхлипывала, хотя и перестала плакать.

Я решил, что нужно объяснить все как можно деликатнее, но от правды, увы, не убежишь.

– Послушай, то, что случилось, это ужасно. Нам всем бы хотелось, чтобы этого не было. Мы бы желали, чтобы Пьер по-прежнему был жив и здоров, а это все оказалось бы страшным кошмаром. Но, к сожалению, он умер. В его голове дыра, и это не похоже на несчастный случай. Пьера намеренно ударили по голове чем-то тяжелым, отчего он скончался сразу или через какое-то время. Уверен, медицинский эксперт скажет точно. Но без полиции не обойтись. Кто-то хотел смерти Пьеру, значит, это убийство.

Валерия задрожала всем телом и уронила голову на мое плечо, а я крепко обнял девушку, стараясь хоть как-то подбодрить ее.

– Полиция и медики скоро придут, – Натали закончила разговор по телефону и, стащив с головы цветную повязку, отшвырнула ее на пол.

– Какой-то ужас, – продолжила она, присев рядом со мной. – Только сейчас поняла, что Пьер мертв. Ты, наверное, не знаешь, но мы с ним встречались уже полгода. Я любила его и думала, что когда-нибудь он остепенится и мы поженимся. А теперь этому никогда не бывать. Какая же я была дура! Пилила его, была недовольна его интрижками, а нужно было наслаждаться счастьем вдвоем, пока оно было, пока Пьер был со мной.

Резко вскочив, певица подошла к окровавленному стулу и опустилась на колени рядом с телом музыканта. Она протянула руку, чтобы потрогать любимого, но затем быстро одернула ее.

– Наверное, лучше пока ничего не касаться до приезда сыщиков, – предостерег я Натали. Она тихо закивала и закрыла глаза, рыдания захлестнули ее. Эти эмоции были столь искренние, что я сам чуть не расплакался, так мне стало жаль бедную девушку.

Я услышал, как со сцены заиграла музыка. Ребята продолжили выступление, не дожидаясь Пьера и Натали. Видимо, Лорентин и Робер не хотели покидать сцену, чтобы не разо-

чаровывать публику, надеясь потянуть время, хотя они явно не догадывались, какая ужасная трагедия разыгралась в гримерке.

Через несколько минут раздались звуки полицейской сирены, послышались недовольные возгласы зрителей, а затем и музыка стихла. В гримерку ввалились несколько человек в форме и двое медиков в белых халатах. Медиками были худой мужчина лет пятидесяти и молодая симпатичная девушка с пепельными волосами, скорее всего, медсестра. Полицейские сразу облепили место преступления, запретив нам всем что-либо трогать и приказав не двигаться с места, так как скоро предстоял допрос свидетелей.

Доктор мягко, но решительно отодвинул Натали от Пьера и начал осматривать тело. Все мы затаили дыхание в ожидании его вердикта, даже Валерия перестала всхлипывать, отчего в гримерной воцарилась мертвая тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием доктора и бормотаньем полицейских. Девушка в форме медсестры стояла поодаль, наблюдая за действиями доктора, и я был готов поклясться, что в ее глазах заблестели слезы.

Поднявшись на ноги через пять минут, доктор почесал за ухом и недовольно скривился:

– К моему сожалению, сделать ничего было нельзя. Он мертв как минимум уже пятнадцать-двадцать минут. Смерть наступила практически мгновенно: слишком сильный удар по голове, перелом затылочной кости с массивным повреждением тканей мозга и обильным кровотечением. Даже если бы мы приехали раньше, то все равно не смогли бы спасти парня. Натали, примите мои соболезнования. Ваш жених был славным малым, ума не приложу, кто мог с ним такое сотворить.

Натали закивала и, сделав пару шагов, обессиленно опустилась на стул возле Валерии.

– Спасибо, месье Кюре. Я сама пребываю в полном недоумении, кто и зачем мог убить Пьера. Хорошо, что вы оказались поблизости и смогли быстро приехать. В такие минуты так важна поддержка близкого человека, а вы ведь знали моего жениха много лет, следили за его здоровьем.

– Да, я знал Пьера с малых лет, – доктор тяжело вздохнул, – и до последнего времени он лечился у меня от мигрени, поэтому его смерть меня просто потрясла. Надеюсь, комиссар сможет найти преступника, я же со своей стороны сделаю все, чтобы медицинское заключение помогло полиции. Беатрис, мои перчатки. Хочу сделать несколько тестов, чтобы определить точное время смерти, а также понять, есть ли еще какие-либо повреждения на теле.

Медсестра, прибывшая с доктором, вздрогнула, будто очнувшись от глубокого сна. Раскрыв чемодан, она выудила оттуда перчатки. Надев их, доктор Кюре опять навис над телом и продолжил колдовать, периодически произнося непонятные термины на латыни и отрешенно качая головой.

Не решаясь прерывать работу доктора, я обратился к Беатрис.

– Моя подруга очень переживает по поводу смерти музыканта, до сих пор не может прийти в себя. Может быть, у вас есть успокоительное или что-то типа снотворного? Не каждый день случаются такие страшные вещи.

– Да-да, конечно, – Ледяная статуя, как я окрестил про себя медсестру, снова встрепенулась и потянулась рукой к чемоданчику. – Это совершенно естественная реакция организма: слезы, крики, рыдания. Нужно выплеснуть все наружу, тогда нервная система снимет напряжение, и организм быстро придет в норму. Просто некоторым людям не сразу удастся вернуться к спокойному состоянию. Обычно человеку помогают слова утешения, чай на травах, легкие успокоительные. В более тяжелых случаях приходится использовать, соответственно, и более сильные лекарства.

Произнося эти слова, медсестра извлекла из чемодана таблетки и тонометр. Затем она присела рядом с Валерией и измерила ей давление и пульс, а затем, спросив доктора о чем-то на латыни и получив его утвердительный ответ, протянула девушке таблетку.

– Выпейте, она должна вам помочь.

Валерия молча взяла пилюлю и положила ее в рот.

– Спасибо вам, – поблагодарил я медсестру. Она улыбнулась мне, но глаза ее по-прежнему выражали боль и глубокую грусть.

– Мы были здесь неподалеку, патрулировали на празднике на случай, если кому-то потребуется медицинская помощь, – пояснила она. – Узнав о случившемся, комиссар попросил приехать на место происшествия нас с доктором. Это ужасное убийство, как же мне жаль месье Габена!

Натали злорадно усмехнулась и, бросив недовольный взгляд на медсестру, сквозь зубы процедила:

– Месье Габена? Хватит притворяться, ты, лживая змея! Ты вешалась на него весь прошлый год, не перестала мечтать о нем, даже когда он решил жениться на мне. Ну и подлая же ты тварь, Беатрис!

– Натали, прошу тебя! Тело Пьера еще не остыло, не гневи Бога! – в ужасе прошептала Валерия, и Натали брезгливо отвернулась, сощутив глаза.

Медсестра, к которой относились грубые слова Натали Арно, однако ничего не сказала и, закрыв чемоданчик, встала рядом с доктором. Только сейчас я заметил, что на ее лице появились красные пятна от волнения. Девушка выглядела расстроенной и смущенной. Мне она показалась знакомой, но раньше мы точно не могли встречаться. И тут я понял. Она была очень похожа на Настеньку – главную героиню советского фильма-сказки «Морозко». Такой же кроткий взор и тихая печаль на лице, и какая-то неуловимая утонченная красота. Наверное, все медсестры должны быть вот такими «настеньками», чтобы вызывать у пациентов чувство спокойствия и умиротворения. Да, как приятно было бы болеть рядом с такой очаровательной сиделкой! Но если слова Натали были правдой, то Беатрис тоже была равнодушна к Пьеру, а значит, сейчас страдала не меньше, чем Натали. И получилось бы ужасно некрасиво, если бы соперницы устроили ссору или скандал в такой момент, поэтому я мысленно поблагодарил сдержанную медсестру за ее стойкость и умение держать удар. Как Натали ни старалась спровоцировать ее своими вызывающими презрительными взглядами, Беатрис оставалась молчалива и бесстрашна.

Двое полицейских тем временем закончили осматривать место происшествия, и по их лицам я догадался, что ничего особо подозрительного они не обнаружили. Жандармы приказали мне, Натали и Валерии ждать комиссара, а сами покинули палатку, оставив третьего жандарма внутри следить за порядком и сохранностью возможных улик.

Через полуоткрытую дверь я видел, что у входа теснились люди и полицейские пытались уговорить их покинуть территорию, прилегающую к сцене и нашей палатке. Сквозь кольцо обороны все же прорвались Лорентин и Робер, объяснив, что они выступали на концерте и в шатре находятся их личные вещи. Однако дальше порога их не пустил оставшийся для охраны полицейский, поэтому музыкантам пришлось стоять у входа.

– Ничего не понимаю! Что здесь, черт побери, происходит? – прохрипел Лорентин. – Помощник комиссара сказал нам, что произошло убийство. Но кто убит?

– Ваш друг и коллега Пьер, – ответил я. – Мне очень жаль. Когда я пришел сюда, он уже истекал кровью и был мертв уже по меньшей мере несколько минут.

Лорентин вытаращил глаза и просто оцепенел.

– Валерия! Этого не может быть! Просто не может быть! – вскрикнул Робер. – Мы стояли с Лорентином там на сцене и поняли, что что-то произошло, но решили исполнить одну из наших старых вещей, чтобы потянуть время. А потом приехала машина доктора и полиция. Мы не знали, что и думать. Все на улице недоумевают: убийство, да еще и в День музыки! Да и кого могли убить? Но мы и подумать не могли, что Пьера. Боже, какой ужас!

Парня немного трясло, но я не мог не заметить, что он вздохнул с облегчением и быстро облизал пересохшие губы, увидев труп. Как будто хотел убедиться, что Пьер действительно

мертв. «Бред! – подумал я. – Какая нелепая мысль. С чего это вдруг жениху Валерии радоваться смерти своего друга?»

Лорентин между тем все же уговорил полицейского у входа пропустить его, прошел внутрь и вздрогнул, заметив доктора, склонившегося над телом мертвого Пьера. Клавишник быстро подошел к Натали и молча обнял ее. Мне показалось, что между ними тут же возникла какая-то невидимая связь, как это бывает между родственниками или близкими людьми, которые понимают друг друга безо всяких слов. Натали будто растворилась в объятиях Лорентина, а он словно окутал ее заботой и любовью, отгородив от всего ужаса произошедшего. Мне стало неловко пялиться на этих молодых людей. Не зная, куда еще бросить взгляд, я стал наблюдать за работой доктора. Он, по всей видимости, уже закончил свои первичные обследования и попеременно то качал головой, то потирал руки. В конце концов доктор поднял что-то с пола и положил в карман, что-то маленькое и белое, похожее на обрывок бумажки или лоскуток одежды, но толком мне не удалось рассмотреть. Сняв перчатки, Кюре встал и отошел к Беатрис, прошептав ей пару фраз, от которых она вспыхнула, но ничего не ответила и осталась стоять бледной тенью.

– Доктор Кюре, – обратился к нему клавишник Лорентин Перрен, слегка отстранив от себя Натали, но продолжая держать ее за руку. – Что вы обо всем этом думаете?

– Вас так интересует мое мнение, молодой человек? – доктор пристально посмотрел на Лорентина. – Тут и так все ясно. А детали прояснит комиссар.

– Но ведь он еще не приехал, – настаивал Лорентин. – Вот я подумал, что вы сможете пролить свет на произошедшее, ибо в это просто невозможно поверить! Убийство Пьера – это просто чудовищное преступление. На него мог решиться только сумасшедший! Наша группа существует уже пять лет, и весь тот успех, которого мы добились, – это полностью заслуга Пьера. Он был не только нашим другом, но и талантливым композитором, лучшим саксофонистом, которого я знал. Это невосполнимая потеря для нашей группы и дружной творческой семьи. Я глубоко поражен и опечален, как и все ребята...

Его искренние слова скорби бесцеремонно прервал маленький толстый мужчина, с трудом протиснувшийся в дверь шатра:

– Не многовато ли здесь народу?

Мы все в недоумении воззрились на странного коротышку.

– А вы кто такой? – с вызовом бросил ему Лорентин Перрен.

– Комиссар Филипп Дюпен к вашим услугам, – представился незнакомец, и я понял, что мой отпуск снова превращается в детективное расследование.

Глава 5

Оказавшись в центре внимания, комиссар, однако, ничуть не смутился.

– Я не занимаюсь поиском сумасшедших, молодой человек, – обращаясь к Лорентину Перрену, продолжил новый персонаж. – Но уверяю вас, по большей части все зверские убийства совершаются вполне нормальными людьми вроде нас с вами. Поэтому не тешьте себя пустыми иллюзиями, что какой-то псих, сбежавший из сумасшедшего дома, оказался случайно именно в этом месте, именно в то самое время, когда потерпевший был один, и ни с того ни с сего отправил его на тот свет. Наверняка тут мы имеем дело с тщательно продуманным убийством, не так ли, док? А что скажете вы, жандарм Оливье? И почему, я вас спрашиваю, столько посторонних на месте происшествия, а?! Это что, все подозреваемые, сговорившиеся разложить своему приятелю голову?

Коротышка брюзжал, как старый дед, хотя, как мне показалось, на вид ему было не больше пятидесяти – лысый, с небольшой седой бородкой, он сразу напомнил мне Айболита из сказки Чуковского. Только тот был добрый и всех лечил шоколадками, а этот – беспощадный и злой, как Бармалей, который вот-вот съест нас за плохой проступок или сделает очистительную клизму, чтобы полегче было вытрясти признание.

Жандарм у входа, покраснев, начал было что-то лепетать, но толстяк жестом остановил его, заметив, что из глубины шатра выступил доктор Кюре.

– Комиссар Дюпен, давненько мы с вами не виделись, – промурлыкал доктор, пожимая руку неприятному полицейскому. – Если мне не изменяет память, в прошлый раз мне доводилось осматривать труп с похожими повреждениями черепа. Это было... дайте подумать... лет пять назад.

– Она вам изменяет, мой друг, – снисходительно ответил сыщик. – Труп с проломленной головой мы с вами наблюдали не пять, а шесть лет назад, как раз после моего юбилея. Помнится, я тогда быстренько раскрыл дело и арестовал того мелкого воришку. Его отправили в колонию для несовершеннолетних – печальная история. Первый раз пошел на ограбление магазина – пустяковое дело – и на тебе, напоролся на полицейского, случайно проходившего мимо.

– Да, жандарм тогда умер на месте: перелом правой височной кости, – закивал Кюре. – У вас и правда завидная память, комиссар. Что ж, надеюсь, в сегодняшней ситуации у вас тоже не возникнет трудностей и вы скоро его схватите.

– Его? Значит, убийца – мужчина? – прищурился коротышка.

– Его или ее. Я хотел сказать, убийцу. Но, вообще, судя по характеру раны, удар был сильнейший. Не представляю себе, какой должна быть женщина, чтобы его нанести. И главное, чем можно так расколоть череп?

– А что, орудие убийства не нашли? – глаза комиссара заблестели.

– Увы, – доктор развел руками. – Я тщательно осмотрел рану, работал в перчатках, чтобы не повредить улики, но не смог определить, чем парня ударили по голове. Что-то с острым углом, типа мраморной плиты или каменных часов. Знаете, такие с квадратной подставкой. Но в этом шатре явно нет ничего такого. Так что оставляю эту задачу вам.

– Принимаю. А что со временем смерти?

– Мертв уже около получаса. Думаю, парня убили около семи часов вечера, может, чуть-чуть позже. Удар был одиночный, жертва сидела спиной к убийце, видимо, ничего не подозревая, так как бедняга даже не успел обернуться или вскрикнуть. Его лицо абсолютно ничего не выражает, перед смертью Габен не испытал ни ужаса, ни страха. Ощущение такое, что он даже не понял, что с ним произошло. Так, что еще. Ах, да, никаких других следов насилия

на теле я не обнаружил: ни синяков, ни ссадин, ни следов борьбы. Пока это все. Остальное узнаем после вскрытия.

Попрощавшись с комиссаром, доктор в сопровождении медсестры покинул шатер. Проходя мимо Натали, Беатрис слегка заметно вздрогнула, но ничего не сказала и даже не взглянула на нее, но я почувствовал между ними сильную антипатию, как будто два одноименных заряда оттолкнулись друг от друга.

Натали дернула головой и бросила гневный взгляд в сторону Беатрис, когда та скрылась за дверью.

– Лицемерка! Строит из себя наивную дурочку. Такой невинный вид, куда деваться! Как будто мне неизвестно про ее шашни с Пьером! Знаю я, какие эти медсестры на самом деле!

– Натали, что на тебя нашло? Сейчас не время выяснять отношения. Это тебе не к лицу, тем более тут посторонние, – Лорентин боязливо глянул на комиссара, но тот даже виду не подал, что его интересуют наши разговоры, тем более бабьи разборки.

Филипп Дюпен прошелся кругом по всей гримерке, лишь мельком взглянув на то место у стола, где все еще лежал бедный Пьер. Потом комиссар потянул носом воздух, присел на корточки и поднял цветную повязку, брошенную Натали.

– Полагаю, это ваше, мадемуазель?

– Сейчас не принято обращаться к незамужним девушкам «мадемуазель», – огрызнулась девушка.

– Хорошо, как же тогда?

– Просто Натали или мадам Арно.

– Если вам так угодно, то извольте, – снова промурлыкал комиссар и стал походить на хитрого кота перед прыжком за мышью. – Так это ваша вещь, Натали?

– Моя, – буркнула певица. – Как вы догадались?

– У вас очень яркое и красивое платье: сразу видно, что вы выступали сегодня на концерте. Повязка тоже броская и необычная, я решил, что она легко сошла бы за хорошее дополнение к вашему романтичному и экстравагантному образу.

– Вы правы, моя это повязка. Я сбросила ее в отчаянии, когда осознала, что Пьера больше нет. Ведь он был моим женихом.

– Сочувствую вашей утрате, Натали, – скорбно произнес Филипп Дюпен. – Вы, наверное, много времени проводили вместе, и на сцене, и в обычной жизни.

– Да, – певица улыбнулась. – Пьер был романтиком, часто не спал ночами – придумывал новую музыку и слова к песням. Что-то он исполнял сам, что-то дуэтом со мной. Но всегда это были мелодии, идущие от сердца. Поэтому группу так любят. Поклонники ценят наше творчество, ведь оно выражает наши истинные чувства. Все дело в том, что искренность на сцене нельзя не заметить.

– Вижу, у вас и правда был гармоничный союз, – закивал комиссар. – Не представляю себе, что вы почувствовали, когда первой обнаружили тело. Не каждый способен трезво соотносить в такой ситуации. А вы не растерялись – вызвали и врача, и полицейских.

– Вообще-то, тело первым обнаружил я, – признался я. – А Натали пришла буквально через пару минут. Я не знал, как во Франции звонить в экстренные службы, поэтому попросил помощи у девушки.

Дюпен метнул на меня недовольный взгляд: видимо, его расстроило то, как я беспардонно вмешался в его диалог с певицей. Однако комиссар все же натянуто улыбнулся и подошел ближе ко мне.

– Вы иностранец, месье?

– Да, я приехал только сегодня утром. Надеялся хорошо провести время на празднике, хотел посмотреть на игру ребят из группы, и вот как все обернулось.

– Так, а вы хорошо знаете этих музыкантов? Раньше встречали кого-нибудь из них? – продолжал Дюпен.

– Нет, я познакомился с ними всего несколько часов назад благодаря своей подруге Валерии Жуковой, она собирается замуж за одного из членов группы.

– Да, Валерия – моя невеста, – поддакнул Робер, который проскочил в палатку сразу после комиссара и теперь сидел рядом с Валерией. Моей подруге стало гораздо лучше, хотя лицо все еще было красным от слез, и она периодически шмыгала носом.

– Подождите! – шикнул на него комиссар. – Мне требуются исключительно факты, касающиеся следствия. Давайте не будем отвлекаться. Я еще не закончил с мадам Арно, а вас здесь уже целая толпа! И всех, заметьте, надо допросить!

Сыщик резко ткнул пальцем в Лорентина.

– Вы! Расскажите мне, что вам известно о случившемся.

Клавишник вышел вперед, скрестив руки на груди.

– А что говорить? Я ничего не знаю. Я был на сцене, когда все случилось.

– Откуда же вам известно, когда именно произошло убийство? – промурлыкал комиссар, прищурился правый глаз.

– Это очень просто, – не смутившись, продолжил молодой музыкант. – Мы отыграли половину концерта, а потом был перерыв на двадцать минут примерно с 18:40 до 19:00. Могу сказать точно, что я не заходил в гримерку в перерыв. Последний раз я видел Пьера, когда тот скрылся в этом шатре около 18:50. Сделав передышку и выпив кофе, мы все вернулись к своим инструментам, а Пьер – нет. Мы исполнили без него одну композицию, а потом Натали пошла за нашим лидером. Без него не было смысла выступать дальше. Но обратно на сцену Натали не вернулась. Мы с Робером сыграли еще несколько вещей, так как не знали, что произошло, и не хотели останавливать выступление. Потом приехал доктор и полиция, публика стала тесниться у шатра, и мы догадались, что стряслась беда. Концерт пришлось прервать. А придя сюда, мы наконец узнали о том, что наш друг погиб. Вот и все.

– Хорошо. Назовите ваше имя и поясните, какова ваша роль в группе?

– Лорентин Перрен, играю на синтезаторе и делаю аранжировки. Бо́льшую часть песен мы писали совместно с Пьером.

– Так, а что скажете вы? – Филипп Дюпен подошел к Роберу.

– Все то же самое, – устало тряхнул головой гитарист. – После перерыва я не видел Пьера. Когда Натали покинула сцену, нам с Лорентином пришлось как-то выкручиваться. Мы пытались вытянуть концерт на себе и ничего о случившемся не знали. Просто мороз по коже прошел, когда я услышал, что стало с бедным Пьером.

– Где вы были с 18:40 до 19:00?

– Мы все отправились в кафе рядом с площадью, провели там почти все время, потом вернулись на сцену. Пьер не ходил с нами, он всегда любил пить пиво в перерывах. Я зашел в гримерную перед вторым нашим выходом, сказал Пьеру, что скоро начинаем, но он не ответил. Я решил, что у него, как всегда, разболелась голова – тем более после пива. Я не стал его тревожить и немедленно ушел готовиться к выступлению. Больше Пьера я не видел. И, простите, я забыл представиться. Меня зовут Робер Бенуа – гитарист группы «Амарант».

– Благодарю за подробное описание. Ну а вы, мадемуазель? – елеинным голосом обратился Дюпен к Валерии. – Когда вы в последний раз видели Пьера Габена живым?

Валерия задрожала и прикусила губу.

– Простите? – судорожно переспросила она.

– Я спросил, когда вы видели Пьера Габена живым, то есть до того, как ему размозжили череп.

– Извините, мне что-то нехорошо, – Валерия закатила глаза и снова побледнела. – Можно я отвечу на ваши вопросы немного позже?

– Конечно-конечно. Это не допрос, – комиссар недобро прищурился. – Я выясняю некоторые обстоятельства дела, не более. Завтра я жду вас всех в полицейском участке, там запишу показания каждого. Разрешите мне только зафиксировать ваши имена и фамилии с адресом проживания и телефоном, это обычная процедура в таких случаях.

– В делах об убийстве, вы хотите сказать? – Натали грустно усмехнулась и забрала свою повязку из рук комиссара. – Когда вы вошли сюда, вы сказали, что подобное вряд ли сотворил какой-нибудь сумасшедший. Но вы ошибаетесь. Никто больше не мог убить моего жениха, никто, вы слышите? Только умалишенный способен на такое зверство! Или закоренелый преступник, сбежавший из мест заключения. Да никто из жителей Гурдона или Деганьяка не поднял бы руку на Пьера! В этом просто нет смысла, никакого смысла!

Девушка разразилась рыданиями. Находясь ближе всех к ней, я приобнял ее и слегка встряхнул. Певица немного успокоилась, но по-прежнему смотрела на комиссара враждебно и недоверчиво.

– Я учту ваши слова, Натали, – просто ответил сыщик, – вы лучше других знали погибшего, значит, вам можно доверять. Но у каждого человека есть то, что он скрывает. Возможно, ваш жених не все говорил вам, вероятно, и у него были свои тайны. А любая тайна может привести к непоправимым последствиям для того, кто ею обладает.

– Чужая душа – потемки, в этом вы правы, – Натали шмыгнула носом. – Что ж, тем сложнее вам будет отыскать убийцу. Уверена, вам каждый в деревне скажет то же, что и я. Пьер был хорошим человеком, со своими недостатками, но из-за этого не лишают жизни.

– Поживем – увидим, – сухо произнес Дюпен. – Мне придется копаться в грязном белье – много нелицеприятного вылезет наружу. Мало не покажется, будьте готовы. Прошу вас всех оставить свои координаты моему помощнику – он дежурит у входа, – и можете быть свободны. Встретимся завтра в участке.

Я, как и остальные, понуро поплелся к выходу, но голос коротышки заставил меня застыть на месте.

– А вы, месье, который первым обнаружил труп, пожалуйста, останьтесь.

Валерия и музыканты с удивлением и страхом посмотрели на меня и торопливо покинули шатер, а я повернулся к сыщику и уставился ему прямо в глаза. Если он думает, что я что-то скрываю, пусть попробует это доказать.

Глава 6

В шатре из живых остались лишь мы с комиссаром, оттого я почувствовал себя словно мышь в мышеловке, которую вот-вот сожрут или скормят хищникам. За то короткое время, что мы с Филиппом Дюпенем успели пообщаться, я понял, что передо мной человек с железной хваткой. Он не остановится ни перед чем, для того чтобы арестовать подозреваемого в убийстве Пьера, причем, кем именно окажется этот подозреваемый, сыщику абсолютно все равно. Ему нужен преступник, любой, мало-мальски подходящий на эту роль, и в погоне за убийцей комиссар пройдет по всем, лишь бы найти хоть малейший намек или зацепку. И этого комиссару будет вполне достаточно, чтобы упрятать за решетку кого угодно, даже меня.

Видимо, в глазах французского полицейского я, как никто другой, подходил на роль убийцы: нездешний, сомнительного рода занятий, первым оказался рядом с трупом. Ход мыслей комиссара Дюпена показался мне логичным, и я, разумеется, с радостью одобрил бы его выбор, если бы сам не находился на месте того, кого первым заподозрили в совершении тяжкого преступления.

– Что ж, месье, давайте начнем с начала, – прищурился Дюпен, вальяжно рассевшись на одном из складных стульев. – Как ваше имя, и для чего вы пожаловали в Гурдон?

Я откашлялся.

– Меня зовут Марк Аполлонов, я пишу детективы. Не то, чтобы я очень популярный писатель, но один мой роман должны скоро издать.

– И вы, простите, отправились во Францию за новым сюжетом?

– Да, получается, что так. К сожалению, я не такой гений, чтобы писать, не выходя из своей комнаты. Потому приходится посещать новые места, чтобы яркие впечатления вдохновляли на оригинальные сюжеты. Современная публика не жалуется, когда им рассказывают о том, что происходит у них под боком на соседней улице, это они и так каждый день видят; нет, избалованные читатели жаждут историй со страстями, которые бурлят где-то за океаном, или в старинном французском замке, или на палубе теплохода. Можно продолжать до бесконечности.

– Хм, я уверен, что такие сюжеты всегда в выигрыше, – усмехнулся комиссар.

– Да, поэтому я стараюсь идти в ногу со временем и не разочаровывать моих поклонников. В этот раз я остановился на милом местечке Деганьяк. Эта деревушка меня привлекла своей самобытностью и маленьким числом жителей. Гостиничный номер я снял в соседнем Гурдоне, чтобы иметь возможность запечатлеть в своем романе типажи как деревенских, так и городских жителей.

– Никогда не понимал таких людей как вы: ну разве это работа – писать книжонки? Но, надо сказать, звучит достоверно, цель вашего приезда не кажется мне подозрительной. Вам, видимо, приходится много путешествовать. Давайте выкладывайте, когда вы приехали и что делали до концерта?

– Сегодня рано утром я прилетел из Москвы в Тулузу и сел на поезд на железнодорожном вокзале. Здесь на станции меня встретила моя подруга Валерия Жукова и отвезла на машине до гостиницы. Затем я немного отдохнул и пошел в бар «Нуар», где и познакомился с группой «Амарант». Ребята эти показались мне творческими и увлеченными – настоящие музыканты, которые обожают то, чем они занимаются. А как их любит публика! Да вы и сами, наверное, видели. Пьер был кумиром местных жителей, их гордостью. Честно, не понимаю, кто мог так жестоко убить бедного парня.

– У всего всегда есть причина. Найдем причину – найдем и убийцу, – самоуверенно произнес детектив. – Поверьте мне, преступления всегда имеют под собой почву, иногда гнилую, иногда всхожую. Я как хороший агроном должен выискать зародыш, дать ему прорасти, и тогда

то, что вылезет на поверхность, будет самым мощным доказательством и безошибочно укажет нам на преступника.

– Вы имеете в виду мотив? – растерянно пробормотал я, несколько обескураженный такими странными метафорами обычного полицейского.

– Да, мотив, или побуждающий фактор. Даже сам преступник не всегда может четко определить и назвать мотив, толкнувший его на преступление. Например, мужчина убивает свою жену топором. Просто в один из вечеров приходит с работы и, видя ее мирно спящую, хватает топор и кромсает ей череп. Потом он клянется, что не знает, что на него нашло и почему он это сделал. Но на самом деле, если хорошенько расспросить этого беднягу, то окажется, что жена два раза уходила к другому, вернулась лет десять назад и все это время хранила верность супругу. Но в день убийства у их дома околачивался какой-то строитель – ремонтировал что-то на крыше, а один из прошлых любовников жены был строителем-кровельщиком. Появление незнакомого рабочего в поле зрения мужа напомнило последнему о слабости и неверности жены, гнев и злоба вскипели в нем, и давно забытые раны вскрылись за несколько секунд, породив густой гной отрицательных эмоций. Они-то и толкнули этого скромного гражданина на нелепое убийство, для которого, как он сам считает, не было причин. А все потому, месье Аполлонов, что, когда все закончилось, психоэмоциональный фон несчастного убийцы вернулся в прежнее нормальное состояние, а сам мясник снова стал любящим и нежным мужем, в ужасе осознающим, какую страшную вещь он сотворил.

Слова комиссара вызвали у меня странные ассоциации. Мне вдруг показалось, что я понимаю, о чем он говорит, и даже могу привести пример того, как убийство Пьера тоже могло быть порождением такого гнева.

– Вы что-то вспомнили? – насторожился Дюпен, увидев, как я нахмурился. – Если вы знаете что-то, что подскажет мне, в каком направлении искать, я буду крайне благодарен. Вы писатель и потому умеете подмечать разные мелочи, любите изучать людей и их характеры. Здесь может сыграть роль все, что угодно, даже случайно брошенная фраза или косой недоброжелательный взгляд.

Конечно, я вспомнил эпизод в кафе, когда Валерия о чем-то просила Пьера, а тот отказал ей в довольно грубой форме. Но было ли это как-то связано с убийством? Этого я не мог знать наверняка, поэтому решил не впутывать Валерию, сделав вид, что крепко задумался. Тут на ум пришел другой момент, и я решил рассказать о нем комиссару.

– Да, я кое-что припоминаю. В перерыв я отошел купить себе воды в кафе неподалеку. Около бара стояли Лорентин и Робер, они о чем-то оживленно разговаривали, причем Робер убеждал в чем-то клавишника.

– Думаете, они ругались?

– Нет, скорее, спорили. Лорентин поначалу не соглашался с коллегой, но тот все же немного погодя убедил Лорентина, и они пришли к согласию. Потом к ним присоединилась Натали, и втроем они удалились к сцене.

– И все? – разочарованно протянул Дюпен.

– По-моему, да, хотя нет, постойте, Робер выбросил какую-то бумажку в урну рядом с кафе.

– Хорошо, это может пригодиться.

– Погодите, – насторожился я. – Вы что же, подозреваете кого-то из музыкантов? Они же не могли этого сделать!

– Почему? – комиссар хитро прищурился.

– Ну, во-первых, все они были на сцене, когда Пьера ударили по голове.

– Допустим. А во-вторых?

– А во-вторых, у них дружный сплоченный коллектив. Я не допускаю мысли, что кто-то из них мог пойти на такое зверство. Зрелище было просто ужасное! Убийца наверняка какой-то

сумасшедший, например, фанат группы, который слетел с катушек и просто размозжил Пьеру череп. Столько людей с нарушенной психикой свободно разгуливают по улицам, а мы об этом даже не догадываемся! И ведь любой из них в какой-то момент может нанести смертельный удар!

Комиссар Дюпен снисходительно похлопал меня по плечу.

– Мне ясна ваша позиция, месье Аполлонов. Валить все на сумасшедших – это самая распространенная ошибка обывателей вроде вас. Вам трудно принять тот факт, что самые близкие люди могут быть и самыми опасными. Вы смотрите на мир сквозь розовые очки: верите в дружбу, верность и честность. Это правильно и очень соответствует вашему возрасту и роду занятий. Но я полицейский и не могу исключать музыкантов из числа подозреваемых только потому, что никто из них не выглядит жестоким и хладнокровным убийцей. Скажу вам больше, я в первую очередь подозреваю именно его друзей, коллег по творческому цеху. Вы не заметили, какие между ними странные отношения? Клавишник слишком уж усердно утешал певицу. А вторая девушка чересчур нервничала, да и была, прямо скажем, не в лучшем виде. Не удивлюсь, что она что-то знает, но боится, что это могут интерпретировать не в ее пользу. Надеюсь, завтра я смогу ее разговорить. А теперь расскажите, что было дальше. После того, как вы вернулись к сцене после перерыва.

Я сосредоточенно сдвинул брови.

– Я пришел, когда ребята все были уже на сцене, все, кроме Пьера, разумеется. Затем я увидел Валерию, она торопилась к шатру, сказав мне, что у Пьера разболелась голова и он попросил ее купить таблетки.

– Что за таблетки?

– Я не знаю, я даже не посмотрел. Мы вдвоем подошли к шатру, и Валерия исчезла внутри. Но почти тут же вышла с ужасно бледным лицом и неожиданно потеряла сознание. Мне пришлось внести ее внутрь и положить на стулья. Только потом я заметил, что саксофонист сидит неподвижно и тихо. Это было, конечно, странным. Приблизившись к нему, я обнаружил, что парень мертв. Пульса не было, да и вряд ли можно выжить с такой пробоиной в черепе.

– Так-так, – комиссар почесал подбородок, – вот вам и первый подозрительный момент – таблетки. Вокалист мог специально отослать Валерию, чтобы встретиться с кем-то, и этот кто-то уколошил беднягу. Или это ваша подруга убила Пьера до вашего прихода, а затем, когда вы застали ее около палатки, притворилась, будто она только что вернулась из аптеки. Вы же мне сами сказали, что не заметили, были ли таблетки в руках у девушки. Естественно, когда она разыграла маленькое представление с обмороком, вы поверили, что Валерия обнаружила труп только что. Вам и в голову не пришло, что она сама замешана в убийстве.

Я попытался громко протестовать, но комиссар замахал на меня руками.

– Остыньте, молодой человек. Я просто излагаю свои мысли вслух. Это всего лишь версия. Я не обвиняю вашу соотечественницу, я хочу показать вам, что даже она может быть причастна к злодеянию. Но вернемся к описанию событий. Я так понимаю, что прошло довольно много времени, прежде чем Лорентин и Робер дошли до гримерной. Почему же музыканты за это время так и не хватились убитого?

Я пожал плечами, недоумевая, как ловко хитрый Дюпен сумел обвинить во всем Валерию, используя мои же собственные слова.

– Комиссар, я этого не знаю. Но ребята, по-моему, уже ответили вам. Они не хотели прерывать выступление, поэтому, поняв, что Натали не вернулась, оставались на сцене до тех пор, пока не приехала полиция. Только после этого стало ясно, что что-то стряслось.

– То есть после Валерии и вас в шатре появилась Натали Арно?

– Да, она зашла буквально через минуту после того, как я обнаружил мертвеца. Не поверите, но я так растерялся, что сначала даже не сообразил вызвать скорую. Видимо, на меня нашло временное помешательство от вида крови. Но у Натали оказались крепкие нервы, ведь

это она вызвала доктора и полицию. Если бы она не справилась с собой после страшного потрясения, то я, право, не знаю, что бы я делал один с двумя убитыми горем девушками. Наталье было тяжелее всех нас, ибо они с Пьером собирались пожениться.

Комиссар погладил подбородок.

– Да, она так сказала. Но после смерти ее жениха утешитель быстро нашелся.

– Лорентин Перрен чуткий и добрый человек, потому просто хотел подбодрить девушку.

– Как же рьяно вы их защищаете, вам бы работать адвокатом, – Дюпен усмехнулся. – А что скажете про второго типа, который ухаживает за Валерией Жуковой?

– Они обручены, но подробностей я не знаю. Мы же с Робером только сегодня познакомились, а Валерия не слишком-то откровенничала со мной в переписке. До сегодняшнего дня мы не виделись с моей подругой несколько лет.

– Понимаю, старые знакомые, – Филипп Дюпен неприятно скривился. – Люди меняются с годами, месье Аполлонов, и не всегда в лучшую сторону. Так что не спешите с пеной у рта защищать свою подругу. Возможно, она стала совсем другим человеком, а вы до сих пор помните ее такой, какой она была в годы вашей юности.

– Допустим, – недовольно отозвался я. – И что из этого следует?

– Ваша подруга могла не все вам рассказать. Валерию сильно расстроила смерть Габена. Я бы даже сказал, что она испытала шок. Невольно закрадывается мысль об их возможных близких отношениях. Вы, случаем, не знаете, раньше между ними ничего не было? Я имею в виду любовную связь.

Я с достоинством вскинул голову.

– Комиссар, вы, к сожалению, задаете мне вопросы, на которые я просто не в состоянии ответить. Откуда мне знать подробности личной жизни убитого? Я уже сказал, что не видел Валерию несколько лет. Мы редко переписывались, и я обратился к ней в первый раз за долгое время, только когда решил приехать сюда. Ваши инсинуации, простите, кажутся мне нелепыми и беспочвенными. Если вы что-то подозреваете, то вам следует спросить саму Валерию. Она честная законопослушная девушка и не будет ничего скрывать. Только не забывайте, что копать в чужом грязном белье не так-то приятно: может вылезти много такого, что не столько поможет следствию, сколько испортит жизнь людям, по чистой случайности оказавшимся втянутыми в эту неприятную историю. А теперь скажите, я могу идти?

Филипп Дюпен внимательно с видом охотника, оценивающего добычу, посмотрел на меня, а потом небрежно кивнул с явной ухмылкой.

Приняв это за разрешение, я не стал больше ничего говорить и прошел мимо детектива к выходу.

– Месье Аполлонов, – услышал я уже у самого порога.

– Что? – я резко повернулся.

– Не забудьте оставить адрес своего пребывания здесь в Гурдоне моему помощнику. Вдруг вы мне еще понадобится.

– Хорошо, – процедил я и быстро покинул шатер.

На улице стало прохладно, и я поежился. Помощника комиссара нигде не было видно. Я обошел палатку кругом, но никого не встретил. Все как будто испарились, хотя еще полчаса назад тут была куча полицейских и толпа праздных зевак.

Где-то справа слышались поющие голоса и вальяжный смех. Значит, для кого-то праздник все же продолжался. Что ж, убитый музыкант был всего лишь песчинкой в водовороте жизни, и после его ухода наша планета Земля не перестала вертеться. Но мне однозначно было не до веселья.

Я устало опустился прямо на асфальт возле шатра, вытянув ноги. Мне ужасно хотелось пить, но моя бутылка с водой осталась в палатке, либо ее забрала Валерия. Как же все-таки могло так случиться, что убийство произошло практически у всех на виду, но никто ничего не

заметил? Какой-то человек-невидимка прошел у всех под носом, убил музыканта, а потом так же незаметно скрылся, не оставив после себя никаких следов.

Бесцельно рассматривая основание шатра, я вдруг заметил какой-то предмет, торчавший из-под днища. Видимо, гримерная ставилась наподобие туристической палатки, и ее дно не слишком плотно прилегало к земле, отчего мусор, бутылки и другие мелкие предметы забивались туда.

Протянув руку, я схватился за какую-то почерневшую рукоятку. Вытащить неизвестный предмет оказалось не так-то легко, ибо находка была довольно тяжелой, я бы даже сказал, неподъемной. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы извлечь это чудо наподобие сковородки. Найденная вещь между тем показалась мне странной. Кому могло понадобиться тащить на праздник сковороду? Да еще и такую увесистую. Я, кажется, раньше видел похожую у моей бабушки: сковорода больше походила на прямоугольный противень с двумя ручками и была вся покрыта копотью и засохшим пригаром.

Рассмотрев свою находку со всех сторон, я положил сковороду на землю, не зная, куда еще ее можно пристроить. Возможно, стоило вернуться и показать ее комиссару, но мне не очень-то хотелось снова видеть довольную ухмылку Филиппа Дюпена. Поэтому я решил не связываться с ним и поскорее уйти подальше от этого гиблого места. Пора было в отель, завалиться в кровать. Иначе я бы уснул прямо на холодной земле, настолько я был расстроен и измотан.

– Боже ж ты мой, где вы ее нашли? – воскликнул неожиданно появившийся из-за угла шатра смешной кучерявый парень с огромными мускулистыми руками. – Я уже и не надеялся ее больше когда-либо увидеть.

– Это ваше? – недоуменно спросил его я, переведя взгляд на странную сковороду. – Но что это такое?

– Противень для выпечки пирожных и круассанов. Он достался мне от моей прабабушки, и я берегу его как зеницу ока. Но вчера моя бесценная чугунная помощница пропала, и вот я вижу ее в ваших руках. Просто чудо какое-то! И главное, я шел сюда совершенно случайно, мне, знаете ли, стало интересно, что тут произошло, из-за чего отменили концерт. Так где же вы нашли противень?

– Лежал тут, под шатром. Я даже не понял, что это такое и почему его спрятали здесь, в таком неподходящем месте.

– Наверняка это происки моего хозяина, месье Рамо, – убежденно закивал парень. – Он давно хочет выманить у меня рецепт моего самого лучшего пирожного «Виолет», но я под страхом смерти не выдам секрет, ведь еще моя прабабушка придумала чудесный крем для вкуснейшего десерта. И я, без всякого сомнения, не собираюсь ни с кем делиться рецептом, даже с месье Рамо.

– Вы печете пирожные? – догадался я.

– Ага, пирожные, торты, круассаны, хлеб. Я работаю в пекарне Люсиана Рамо в деревне Деганьяк неподалеку отсюда. Сегодня мой патрон разрешил мне закрыть лавку пораньше и приехать сюда на концерт. Подозреваю, что и сам месье Рамо в Гурдоне: он не пропускает ни одного праздничного мероприятия, особенно если оно сопровождается массовыми гуляниями и громкой музыкой.

– Понятно, – я улыбнулся, поднялся с земли и отряхнул брюки. – Очень рад, что ваша пропажа нашлась. Правда, не совсем понятно, как она оказалась здесь...

– Все благодаря вам! – возбужденно перебил меня парень. – Спасибо огромное! Меня зовут Жюлиан Турнье, можно просто Жюль.

– А я Марк Аполлонов, турист. Приехал только сегодня и вот успел попасть на ваш праздник. Жаль, что выступление группы пришлось прервать.

– И не говорите, – Жюлиан сочувственно покачал головой. – И все же, почему ребята больше не вышли на сцену? Я слышал, что произошло убийство, но я уверен, что это просто кто-то пошутил либо ляпнул, не подумав. А потом, как это обычно бывает, история про будто бы совершенное преступление со скоростью ветра разнеслась в толпе.

– Да нет, к сожалению, это не слухи, – я тяжело вздохнул. – Убит вокалист группы «Амарант».

– Пьер Габен? Да вы шутите!

– Разве можно так шутить? Нет, парень убит, и полиция уже начала расследование.

– Невероятно! – Жюлиан Турнье вытаращил на меня восхищенные глаза. – Настоящее убийство! Вот это да! А как его убили? Застрелили из пистолета? Задушили? Или нет, дайте подумать, может, отравили, вколов ему неизвестное лекарство?

Я подозрительно глянул на молодого пекаря.

– Нет, ваши теории ошибочны: Пьеру Габену проломили череп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.